

ГУЛЯЛ — НАГУЛЯЛ — НАГУЛЯЛСЯ. ЗАМЕТКИ О СТРУКТУРЕ ПРЕФИКСАЛЬНО-ПОСТФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Киселева К.Л. (xenkis@mail.ru), Институт русского языка РАН, Москва, Россия

Татевосов С.Г. (tatevosov@gmail.com), МГУ и НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Ключевые слова: деривационная морфология, циркумфиксы, структура события, деятельности, свершения

NOTES ON THE STRUCTURE OF CIRCUMFIXAL VERBS IN RUSSIAN

Kisseleva X.L. (xenkis@mail.ru), Vinogradov Institute for Russian Language, Moscow, Russia

Tatevosov S.G. (tatevosov@gmail.com), Lomonosov Moscow State University and Higher School of Economics, Moscow, Russia

The paper argues for an analysis that reduces the derivation of non-compositional circumfixal verbs to a fully compositional combination of two pieces of morphology independently attested in Russian, a (resultative) prefix, and the reflexive morpheme *-sja*. Circumfixal verbs are analyzed as involving the following steps of derivation. First, the activity event structure projected by a non-derived stem is augmented by the change-of-state component that turns it into an accomplishment even structure. Secondly, prefixation occurs that introduces the maximal degree of change along a relevant scale creating a transitive verb. Such a verb, however, is ill-formed since the change-of-state component has not been licensed via lexical insertion. To rescue the derivation, reflexivization is invoked, and the change-of-state subevent gets licensed through identification of its participant with the clausal subject. A wider theoretical implication of the analysis is that circumfixation, as a primitive type of affixation, is superfluous and is to be abandoned.

Keywords: derivational morphology, circumfixation, event structure, activities, accomplishments

Цель этой работы — сделать несколько шагов на пути избавления русской грамматики от противоестественных способов словообразования, таких, как префиксально-суффиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-постфиксальный. Последний иллюстрируется примерами типа (1) из АГ80:

- (1)
- a. Артисты еще впоются, **выиграются** в свою роль.
 - b. **Взбубнилась** злоба.
 - c. Илья не **выхворался**.
 - d. При громадной усидчивости, трудоотдаче он может **дописаться** до прозы, которая будет почти точной копией хорошей.
 - e. Не слишком ли мы **запраздновались?**
 - f. Все **иззавидовались**.
 - g. – А ну встать! – Отставить! Уже **навставались**.
 - h. **Опившись** квасу, Яков пошел на берег.
 - i. Нинка **обрыдалась** и обещала перемениться.
 - j. **Откукарекался**, – усмехнулся Игнат.
 - k. Никак не могу я к ней **подтанцеваться**.
 - l. Стараюсь «**прииграться**» к нападающему, понять «язык» егодвижений.
 - m. Он **проорался**, и мы пошли к Ольге.
 - o. У нас тут ползавода **разгрипповалось**.
 - p. Все **слеглись** в одной палатке.

д. Я прямо ухихикался.

Такие глаголы образуются, согласно АГ80, присоединением сложного форманта (*в-ся*, *на-ся*, *раз-ся* и т.д.), состоящего из префикса и постфикса. *На-ся*, например, имеет значение «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в достаточной степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия».

Несмотря на то что современная «теоретическая и прикладная лингвистика» выстраивалась и выстраивается на отрицании традиционной русистики, по части анализа префиксально-постфиксальных глаголов у них наблюдается полное единодушие (правда, с заменой «сложного форманта» на более благозвучный «циркумфикс»). Эмпирическая реальность циркумфиксов опирается на два факта: их значение идиоматично, а глаголы, в которых один из элементов циркумфикса отсутствует, не существуют в качестве самостоятельной лексической единицы. Возьмем, например, *нагуляться* в (2). В русском языке нет переходного аналога *нагулять*, как нет и глагола *гуляться*, (3а-б), что как будто бы исключает деривационные цепочки в (4) и требует признать анализ в (5) единственно возможным.

- (2) Володя нагулялся.
- (3) а. *Володя нагулял Феликса.
б. *Володя гулялся.
- (4) а. Гулять → *на-гулять* → *нагулять-ся*
б. Гулять → *гулять-ся* → *на-гуляться*
- (5) Гулять → *на-гулять-ся*

Чем плоха «циркумфиксация» с теоретической точки зрения? Тем, что она увеличивает репертуар элементарных позиционных типов аффиксов, наращивает объем параметров межъязыкового варьирования и катастрофически усложняет задачу усвоения первого языка.

Если циркумфиксы типа *на-ся* непредставимы как сумма двух аффиксов, универсальная грамматика должна содержать циркумфиксацию как элементарную морфосинтаксическую операцию такого же уровня, как префиксация и суффиксация. Это немедленно порождает разветвленную языковую типологию (языки с суффиксами, языки с префиксами, языки с циркумфиксами, языки с суффиксами и циркумфиксами и т.д.) и предсказывает объемное межъязыковое варьирование. Усвоение языка обременяется необходимостью определить, где в огромном пространстве типологических возможностей располагается усваиваемый язык. Если универсальны только префиксация и суффиксация, типология сводится к четырем возможностям (что-то одно, что-то другое, и то и другое, ни то ни другое), а усвоение становится компактной задачей с понятным алгоритмом решения. Именно поэтому значительные достижения фонологии и морфологии последних десятилетий связаны именно с идеей сведения «неканонических» позиционных типов аффиксов (инфиксов, трансфиксов и т.п.) к двум элементарным операциям — префиксации и суффиксации.

Например, классический пример языка с инфиксацией, тагальский, при ближайшем рассмотрении превращается в язык с префиксацией. Тагальский инфикс — это префикс, который может уточнить свою линейную позицию с целью построить слово с оптимальной слоговой структурой — с минимальным количеством закрытых слогов. Инфиксация в других языках — это в действительности префиксация, однако

префиксация, определенная не в морфологических («присоединить префикс к основе»), а в просодических терминах («присоединить префикс к первой стопе»).

Арабский язык — пример трансфиксации, в котором разрывные аффиксы помещаются внутри разрывных корней. Однако, как мы знаем благодаря работам Дж. Маккарти (McCarthy 1979), в действительности в арабском языке, как и в любом другом, никаких разрывных морфем нет: этот эффект создается взаимодействием просодического шаблона словоформы с автономными («автосегментными») морфологическими уровнями — корневым и аффиксальным. Теоретические достижения такого рода открывают возможность избавить теорию языка от инфиксов и трансфиксов и выстроить более простой и более объяснительно адекватный инвентарь морфологических единиц.

Возможно ли так же избавиться от циркумфиксов русского типа? Ниже мы представим аргументы в пользу того, что значение циркумфиксов в действительности строго композиционально, а деривация осуществляется по сценарию в (4а). Мы выстроим изложение на материале глаголов так называемого интерсивно-результативного способа действия с «циркумфиксом» *на-ся*, предполагая, что наши выводы распространяются на другие глаголы из (1) без потери общности.

Чем различается семантика (5) и (6)?

(5) Володя гулял.

(6) Володя нагулялся.

(5) и (6) связаны отношением асимметричного следования: если верно, что Володя нагулялся, верно и то, что он гулял. Обратное неверно. Следовательно, (6) описывает более узкий класс ситуаций, чем (5). Прежде всего, *нагуляться* — глагол совершенного вида и в этом качестве предполагает предел, или кульминацию. В какой момент достигается кульминация? По мере развертывания описываемой ситуации меняется параметрическое свойство ее участника. Свойство может быть поименовано с помощью адьюнкта, как в (7), но может и оставаться недоспецифицированным, как в (6). В последнем случае его характер либо проясняется из контекста, либо так и остается неуточненным. Предложения типа (6) большинство носителей склонно интерпретировать как ‘гулял до исчерпания потребности в гулянии’ или ‘до состояния удовлетворенности’.

(7) Я находился за день, нагулялся до изнеможения, наслушался безмолвия [Валентин Распутин. На родине (1999)]

Кульминация ситуации достигается в тот момент, когда свойство достигает определенной контекстно-зависимой степени. После кульминации наступает результирующее состояние, которое состоит в обладании этой степенью свойства. Эти простые наблюдения подводят нас к первому обобщению:

(8) Исходный глагол и циркумфиксальный дериват различаются структурой события.

Структура события — понятие, определяющее, как описываемая ситуация складывается из подсобытий, каковы дескриптивные свойства этих подсобытий и как актанты предиката соотносятся с подсобытийными компонентами. Для нас важны два типа событийных структур — структура деятельностей и структура свершений. (9) и (10) показывают принимаемый нами событийно-структурный анализ непереходных деятельностей и свершений.

$$(9) \quad \|\ [V_{\text{деятельность}}] \| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \|\ V \| (e)$$

(9) представляет собой отношение между индивидами и событиями. События, входящие в это отношение, обладают дескриптивными свойствами, определяемыми глаголом ($\|\ V \|\$). Кроме того, любые деятельности удовлетворяют предикату *process*, который, в частности, гарантирует, что сложная событийная дескрипция $\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \|\ V \| (e)$ является кумулятивной и некантованной при любом x . Индивидуальные элементы, по которым пробегает переменная x , состоят с событиями в семантическом отношении *arg*. Для большинства глаголов деятельности *arg* — это семантическая роль агенса. Соответственно, глагольная группа vP предложений типа (5) имеет вид (10): это событийный предикат, обозначающий события, в которых Володя гуляет.

$$(10) \quad \|\ [_{vP} \text{Володя гуля-}] \| = \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{agent}(\text{Volodja})(e) \wedge \text{walk}(e)$$

Событийная структура свершений устроена сложнее. Она состоит по меньшей мере из двух подсобытий: подсобытия деятельности, которое устроено так же, как (9), и подсобытия изменения состояния. Два подсобытия связаны отношением непосредственной каузации. Событийная структура свершений содержит по меньшей мере два индивидуальных актанта, по одному на каждое подсобытие.

$$(11) \quad \|\ [V_{\text{свершение}}] \| = \lambda d. \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G_V(y))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

Самая существенная часть компонента, определяющего изменение состояния — отношение *increase* между индивидами, событиями и степенями:

$$(12) \quad \|\ \text{increase}(G(y))(d)(e') \| = 1 \text{ тогда и только тогда, когда степень, в которой индивид } e \text{ обладает параметрическим свойством } G, \text{ изменяется при осуществлении события } e \text{ на степень } d.$$

В (11) глагол определяет дескриптивные свойства не подсобытия деятельности, а подсобытия изменения состояния (переменная e'), причем делает это опосредованно — путем задания параметрического свойства G , которое меняется при осуществлении ситуации. (В (11) G фигурирует как несвязанная переменная, значение которой присваивается в результате оценки переменных.) Таким способом мы реализуем известную дихотомию глаголов способа и глаголов результата в принятом нами варианте анализа деятельностей и свершений. Наконец, последний элемент (11) — отношение непосредственной каузации, в которое вступают подсобытия деятельности и изменения состояния.

Прежде чем сформулировать семантику *нагуляться* в (6), рассмотрим более простой случай: глаголы свершений типа *высушить*. Глагольная группа в предложении типа *Володя высушил белье* получает анализ в (13):

$$(13) \quad \|\ [\text{Володя высуши- белье}] \| = \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{agent}(V.)(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(\text{dry}(\text{linen}))(d_{\text{max}})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

(13) обозначает множество процессов e , в которых агенсом выступает Володя. Каждый такой процесс вызывает к жизни событие e' , в котором сухость белья ($\text{dry}(\text{linen})$) возрастает в максимальной степени d_{max} .

В этой статье мы предполагаем в порядке упрощения, что максимальная степень изменения параметрического свойства — это семантический вклад префикса. Соответственно, мы рассматриваем префикс как функцию, которая применяется к

обозначаемому глагольной основой отношению между двумя индивидами, степенями и событиями. Префикс присваивает степенной переменной максимальную (по отношению к данному индивиду) степень изменения по шкале, соответствующей обозначаемому глаголом параметрическому свойству¹.

$$(14) \quad \|\text{PRF}\| = \lambda S.\lambda y.\lambda x.\lambda e.S(y)(x)(\max\{d \mid \exists x\exists e' [S(x)(y)(d)(e')]\})(e) = \\ \lambda S.\lambda y.\lambda x.\lambda e.S(y)(x)(d_{\max})(e)$$

Для основы глагола *сушить* параметрическое свойство — ‘сухой’, а максимальная степень изменения — та, в которой достигается нулевая степень влажности.

Поскольку событийная структура свершений содержит в качестве аргумента степенную переменную, присоединение префикса делается необходимым для заполнения этой аргументной позиции. С интуитивной точки зрения это означает следующее: свершения описывают изменение и нуждаются в выражении, которое задает степень этого изменения. Соответственно, за вычетом нескольких специальных случаев, в русском языке любая структура свершений является префиксальной, и любая префиксальная конфигурация имеет структуру свершений.

Интерпретация префикса в общем случае зависит от двух параметров (в порядке упрощения это не показано в (14)): от конкретной лексической основы и от типа шкалы, представленного в конкретной событийной структуре. Например, с основой *суши-* префикс опирается на минимальное значение на шкале влажности, лексически заданной для этой основы, а с основой *писа-* — на шкале, указывающей на полноту соответствия копии и оригинала: для *выписать цитату из книги* кульминация наступает, когда создание копии цитаты завершается. Это широко известный идиоматический аспект семантики префиксов (по крайней мере, так называемых лексических префиксов).

* * *

Перейдем к (6). Мы предполагаем для (6) следующий деривационный сценарий:

- (15) а. Событийная структура деятельности преобразуется в структуру свершений.
 б. Структура свершений присоединяет префикс.
 в. Образовавшаяся конфигурация содержит два референциально независимых индивидных аргумента и в этом качестве оказывается некорректно построенной.
 г. Деривация восстанавливает корректность посредством рефлексивизации, отождествляющей две аргументные позиции.

Рассмотрим эти шаги по порядку. Исходный пункт деривации — структура деятельности в (9). Глаголы типа *нагуляться*, как мы видели, обозначают изменение параметрического свойства, которого в (9) нет. Мы предполагаем, что этот шаг обеспечивается фонологически не выраженной операцией $\text{SHIFT}_{D \rightarrow C}$, которая создает из структуры деятельности структуру свершений посредством приращения компонента изменения состояния.

$$(16) \quad \text{SHIFT}_{D \rightarrow C} (\|\text{гуля-}\|) = \lambda d.\lambda y.\lambda x.\lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \\ \exists e' [\text{increase}(G(y))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

¹ Более полный анализ префиксов должен учесть то, что префиксы определяют результирующее состояние.

(16), как и любая структура свершений, содержит аргументную позицию для степени изменения параметрического свойства G , а значит, требует присоединения префикса. После этого образуется отношение в (17). Это семантика глагола *нагулять*.

$$(17) \quad \parallel \text{на-} [\text{SHIFT}_{D \rightarrow C} (\parallel \text{гуля-} \parallel)] \parallel = \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(y))(d_{\text{MAX}})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

По поводу этого глагола возникают два наблюдения. Во-первых, предложения типа (18) неграмматичны.

(18) *Володя нагулял Феликса (до изнеможения).

В (18) мы предполагаем семантику, идентичную семантике *нагуляться*, но с той разницей, что изменение параметрического свойств происходят не с тем, кто гуляет, а с некоторым другим актантом. Меняющееся свойство, соответственно, — это один из параметров, характеризующих внутреннее состояние индивида, например, ‘утомленность’, ‘удовлетворенность’ и т.п. Как видно из (18), такую семантику *нагулять* иметь не может.

Неграмматичность (18), однако, не означает, что глагол *нагулять* невозможен вовсе. В этом состоит второе наблюдение. *Нагулять* допускается в предложениях типа (19), где прямым дополнением выступает ИГ *аппетит*.

(19) Володя нагулял аппетит.

Среди немногочисленных вхождений глагола *нагулять* в НКРЯ более одного раза встречаются следующие прямые дополнения:

(20) аппетит, жир(ок), брюхо, дитя, щетина, тело, сон, авторитет

Как видно из (20), диапазон возможностей достаточно широк, и более того, основа *гуля-* задействована в разных значениях (ср. *нагулять ребенка*, *нагулять авторитет* и *нагулять жирок*). Все случаи объединяет общее свойство: объект создается при осуществлении ситуации. Соответственно, *нагулять* в этих случаях — это глагол созидания, а параметрическое свойство G в (19) принимает облик ‘быть созданным’.

Это, однако, не все. Критически важный факт о структуре и семантике предложений типа (19) состоит в том, что подлежащее и прямое дополнение должны быть связаны отношением обладания (в широком смысле). Аппетит в (19) — это Володин аппетит, но никак не чей-то еще. Реализовав посессора при прямом дополнении в качестве дативного адьюнкта, мы получаем возможность сделать этот факт явным:

(20) Володя нагулял себе аппетит.

(21) *Володя нагулял Феликсу аппетит.

Ограничение в (20)-(21) не вытекает из семантики в (17), однако оно помогает прояснить общую картину. Глагол *нагулять* с семантическим представлением в (17) возможен только как промежуточный шаг деривации, после которого мы должны направиться двумя путями: либо построить глагол *нагуляться*, либо создать глагол *нагулять*, у которого два актанта находятся в отношении обладатель-обладемое. Эти этапы деривации показаны соответственно в (22)-(23) и в (24)-(25):

$$(22) \quad \parallel \text{-ся-} \parallel = \lambda S. \lambda x. \lambda e. S(x)(x)(e)$$

$$(23) \quad \|\text{[-ся [на- [SHIFT}_{D \rightarrow C} (\text{гуля-})]]]\| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(x))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

В (23) в результате рефлексивизации создается отношение между индивидами и событиями такое, что индивид одновременно выступает агенсом гуляния и объектом изменения параметрического свойства, которое в результате гуляния достигает максимума. Это в точности семантика глагола *нагуляться*.

$$(24) \quad \|\text{poss}\| = \lambda S. \lambda y. \lambda x. \lambda e. S(y)(x)(e) \wedge \text{poss}(y)(x)$$

$$(25) \quad \|\text{[-poss [на- [SHIFT}_{D \rightarrow C} (\text{гуля-})]]]\| = \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(y))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge \text{poss}(y)(x)]$$

В (24)-(25) описана посессивизация, которая сохраняет оба индивидных аргумента (17) нетронутыми, но наводит на них дополнительное ограничение: внешний аргумент должен быть посессором внутреннего.

В этом месте возникает два взаимосвязанных вопроса: что общего между рефлексивизацией и посессивизацией и почему та или другая необходимы для спасения (17) от деривационного краха? Ответ на первый вопрос напрашивается: и то и другое — способы определения одной сущности через другую. Рефлексивизация — наиболее радикальный способ, когда сущности делаются референциально идентичны. Посессивизация приводит к похожему эффекту: референция объектной именной группы становится зависимой от референции другой именной группы (или приводит к связыванию переменной квантором, если в позиции подлежащего — кванторная именная группа). И то и другое можно рассматривать как разновидности одной процедуры — определения участника одного подсобытия через участника другого. Назовем это процедуру соотносением подсобытий через участника, или Р-соотносением.

Почему Р-соотносением с необходимостью применяется к отношению в (17)? Ответ на этот вопрос начинает проясняться с помощью следующего наблюдения:

$$(26) \quad \text{Р-соотносением происходит ровно в тех случаях, когда лексическая основа не в состоянии определить дескриптивные свойства подсобытия изменения состояния.}$$

У основ типа *сушить* характер изменения состояния определен лексическим значением основы: это изменение по шкале влажности. У *нагуляться* и *нагулять аппетит* семантика *гуля-* определяет характер подсобытия деятельности — это гуляние. Однако она ничего не сообщает о характере изменения состояния. Как мы отметили выше, тип параметрического свойства, которое изменяется в этих случаях, частично ограничивается префиксом и частично определяется контекстом (в технических терминах — с помощью оценки переменной G). Тем не менее, никаких лексических единиц, непосредственно внедряющих в семантическое представление информацию о дескриптивных свойствах подсобытия изменения состояния, в этом случае нет. (17) — дефектная структура свершений.

Мы предполагаем, что именно недоопределенность подсобытия изменения состояния приводит к запуску процедуры Р-соотносением. Подсобытия с недоопределенными дескриптивными свойствами доопределяются через соотносением их участников с участниками другого подсобытия.

Какого типа данные позволили бы нам убедиться, что это предположение верно? В этом месте на помощь приходит следующее рассуждение. Если конфигурация в (17) плоха недоопределенностью подсобытия изменения состояния и если спасение деривации от краха происходит с помощью Р-соотносением, мы ожидаем, что в тех случаях, когда подсобытие определено в достаточной степени, Р-соотносением не происходит.

Соответственно, мы ожидаем, что если основы типа *гуля-* возможны в переходных конфигурациях с референциально независимым прямым дополнением, то подсобытие изменения состояния обязано быть лексически идентифицировано. Поскольку единственный доступный лексический идентификатор — это сама основа *гуля-*, мы ожидаем, что в этих случаях она будет модифицировать не подсобытие деятельности, а подсобытие изменения состояния. Судя по всему, ожидание подтверждается.

Основы типа *гуля-* действительно допускаются в переходных конфигурациях с референциально независимым прямым дополнением:

(27) Володя выгулял ^{OK}свою|| ^{OK}его собаку.

В (27) участником ситуации гуляния выступает прямое дополнение, но не подлежащее:

(28) Володя выгулял собаку.
 → Собака гуляла.
 *→ Володя гулял.

Чтобы (28) правильно описывало мироздание, требуется, чтобы гуляла собака. Чтобы гулял Володя, совершенно не требуется. (28) истинно, даже если Володя в течение всей ситуации неподвижно сидел на скамейке. Это показывает, что предикат *гуля-* интегрируется в событийную структуру (28) принципиально иначе, чем в *нагуляться* или *нагулять аппетит*. В (28) он модифицирует подсобытие изменения состояния — то, в котором собака приобретает определенную степень выгулянности. Семантическое представление (28) показано в (29):

(29) || вы- [SHIFT_{д→с} (|| гуля- ||)] || = $\lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \exists e' [\text{walk}(e) \wedge \text{increase}(G(y))(d_{\text{MAX}})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$

Семантика в (29) верно предсказывает, что подсобытие изменения состояния — это одновременно событие гуляния, и его участником выступает внутренний аргумент предиката.

Глаголы типа *выгулять* в сопоставлении с глаголами типа *нагулять (appetium)* и *нагуляться*, позволяют заключить, что высказанное выше предположение подтверждается. Необходимость Р-соотнесения наступает во всех и только в тех случаях, когда не происходит лексической идентификации подсобытия изменения состояния. Если это так, то свойства дериватов от основ типа *гуля-* становятся полностью предсказуемыми и регулируются единственным принципом в (30):

(30) Подсобытие изменения состояния должно быть лексически идентифицировано.

Эмпирическая реальность этого принципа находит независимые подтверждения в литературе по лексической декомпозиции, в первую очередь у Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (Levin, Rappaport Hovav 1995, Rappaport Hovav, Levin 1998, Rappaport Hovav 2012). Р-соотнесение — это стратегия спасения деривации для тех случаев, когда (30) не выполняется. Похожая операция, называемая TRCONNECT, обсуждается С. Ротстин (Rothstein 2004) в связи с построением результативных конструкций в английском языке. Английские результативы, однако, в отличие от русских «циркумфиксальных» глаголов, не нуждаются в буквальном отождествлении участников двух подсобытий, поскольку подсобытие изменения состояния лексически определяется с помощью результативной ХР.

Подведем итог. Русские глаголы типа *нагуляться* не являются аргументом в пользу выделения циркумфиксов как отдельного позиционного типа аффиксов. Данные, которые мы рассмотрели, полностью совместимы с анализом в (31):

(31) Гулять → *на-*гулять → нагулять-*ся*

Мы предположили, что промежуточный шаг деривации — переходные глаголы типа *нагулять* с референциально независимым прямым дополнением — невозможны в силу того, что подсобытие изменения состояния остается в них лексически неспецифицированным. Присоединение *-ся*, однако, открывает путь к спасению: подсобытие доопределяется не через дескриптивные свойства, а через идентификацию его участника с участником подсобытия деятельности. У *нагуляться* постфикс *-ся* выступает в прототипической ипостаси — как рефлексивный показатель, отождествляющий две аргументные позиции предиката. Если предложенный нами анализ верен, постулирование циркумфиксов лишается сколько-нибудь серьезных эмпирических оснований.

Литература

Русская грамматика. М., 1980.

Hale, Kay and Samuel Jay Keyser. 2002. *Prolegomenon to a theory of argument structure*. MIT Press, Cambridge.

Levin, Beth and Malka Rappaport Hovav. 1995. *Unaccusativity. At the Syntax-Lexical Semantics Interface*. Cambridge/Mass.: MIT Press.

McCarthy, John. 1979. Formal Problems in Semitic Phonology and Morphology, PhD dissertation, MIT. Published by Garland in 1985

Rappaport Hovav, Malka. 2008. Lexicalized Meaning and the Internal Temporal Structure of Events. In: Rothstein, S. (Ed.), *Crosslinguistic and Theoretical Approaches to the Semantics of Aspect*. John Benjamins, Amsterdam, pp. 13–42

Rappaport Hovav, Malka and Beth Levin. 1998. Building Verb Meanings. In *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, M. Butt & W. Geuder (eds.), 97-134. CSLI Publications, Stanford, CA.

Rothstein, Susan. 2004. *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*. Malden, MA: Blackwell publishing.